

ВЕЛИКИЙ НАУКОВИЙ ПРОЕКТ

Олег ПАНФИЛОВ

ПОХИЩЕННЫЕ ДЕТИ
КАВКАЗСКИХ ВОЙН
XVI–XIX ВЕКА

ТОМ 3

ГЕОГРАФИЯ АМАНАТСТВА

Ногайские кочевья

Чеченские тукхумы и тейпы

Калмыцкие улусы

Дагестанские ханства

Карачаевское княжество

Балкарские общества

Карабулакское сообщество

Осетинские общества

Харьков
«ФОЛИО»
2023

Ногайские кочевья

Ногаи, ногайцы — тюркоязычный народ на Северном Кавказе, на юге Нижнего Поволжья, в Крыму, а также до середины XIX века в Северном Причерноморье и на западе нынешнего Казахстана. Первым государственным образованием была Ногайская Орда, возникшая в результате распада Золотой Орды. Исторические документы свидетельствуют о том, что под широким влиянием ногаев были страны Ближнего Востока, Северный Кавказ и Закавказье, Подонье, западнорусские земли, Болгария, Сербия, Венгрия, Румыния, Польша, Прибалтика и Крым. В середине XVI века началась внутренняя междоусобица из-за разной политической ориентации улусов, что постепенно привело к распаду Ногайской Орды на Большую и Малую и другие части. К началу XVII столетия жители Ногайской Орды расселились по всей оконечности Юга России и сопредельных государств, от Нижнего Поволжья до Северного Кавказа и Крыма и до бессарабских степей. В конце XVIII века часть ногайцев уходят на постоянное жительство в Турцию.

Согласно рапорту пристава Ейского укрепления подполковника Лешкевича, по состоянию на август 1774 года ногайцев в Кубанском крае оценочно было 1 200 000 человек, они рассеялись разрозненными группами по Закубанью возле Анапы и по всему Северному Кавказу вплоть до Прикаспийских степей и низовьев Волги. Возле Кизляра кочевали караногайцы, а возле Моздока — едисанцы и джембойлукцы. В 1793 году ногайцы Северного Кавказа вошли в приставства (образованные по принципу их принадлежности к определенной орде): Калаус-Саблинское, Калаус-Джамбойлуковское, Ачикулак-Джамбойлуковское и Караногайское. По данным «Ведомости об инородцах, кочующих в Ставропольской губернии», в 1850 году числилось: калаусо-саблинских, калаусо-джембойлукских и бештавокумских ногайцев — 27 124 человека, ачикулак-джембойлукских и едисанских — 7600 человек, караногайцев и едишкульцев — 38 819 человек. Губернские власти активизировали политику колонизации ногайских земель, изымая кочевья для русских переселенцев.

К 1812 году все Северное Причерноморье вошло в состав России. Остатки ногайских орд были поселены на севере Таврической губернии и Кубани и переведены на оседлый образ жизни. Основную часть черкесских ногайцев составляют Бештаво-Кумские и Калаусо-Джеймболуковские ногайцы, проживающие в Ставропольском крае.

1586

Правитель Большого Ногай Урус-бий задерживал у себя в заложниках московские посольства и требовал снести новые города, вместе с только что построенной Уфой. Он был вынужден возвратиться под «высокую руку» и после переговоров с Мурад-Гиреем Урус согласился выслать в Астрахань аманатов-заложников — впервые в истории ногайско-русских отношений. Русских послов он вновь заверял в своей неотступности от государя, лишь бы тот *«меня держал, как отец его (Иван IV) отца моего Исмаиля князя держал»*.

Первые аманаты были даны бием Урусом и мирзами крымскому царевичу Мурад-Гирею, присланному Иваном IV в Астрахань летом для налаживания расстроенных отношений с Большими Ногаями. Урус, в то время решивший замирился с Россией, согласился послать заложников именно царевичу-Гирею. Вряд ли он отправил бы родичей непосредственно к воеводам. Но на практике ногайскими аманатами стали распоряжаться именно они.

Определенные в аманатство по жребию и уговорам родственников, мирзы добровольно соглашались селиться на Закладном дворе на определенный срок (чаще всего на год), до замены другим мирзой, *«а неволею... послать в Астарахань в заклады им не уметь»*.

Отличало ногаев от россиян и взятие заложников, что не практиковалось в отношениях с населением внутри страны. Правительство не желало отказываться от аманатства, т. е. не желало признавать кочевников россиянами. Это понимал кековат Джан-Мухаммед, когда настаивал: *«И будет, государь, пожалуешь меня, холопа своего, назовешь прямым холопом, и тебе бы, государь, пожаловать нас — в омонаты из нас в Астарахань имати не велеть»*. Но царь не «пожаловал», и взятие аманатов продолжалось. Ведь это было одним из немногих средств воздействия на ногаев.

1587

При правителе Большого Ногай Урус-бие (1578—1590) ослабевшая от междоусобных войн и природных катаклизмов Орда уже не могла претендовать на признание равноправия со стороны Москвы. Одним из признаков регресса статуса ногайских правителей в отношении статуса русских царей стала выдача в залог шерти 1587 года аманатов правителем Большого Ногай Урус-бием. Он согласился на это с условием, что аманаты будут находиться при царском после, крымском царевиче Мурад-Гирее. Но они оказались в распоряжении астраханского воеводы.

Был заключен шертный договор, в основных чертах повторявший условия договора 1581 года.

1614

В марте Иштерек шертовал Заруцкому вместе с Байтерековыми и частью Тинмаметевых, дав в аманаты своего сына Ахмеда и племянника Урака б. Дин-Мухаммеда. Заруцкий нашел надежные средства привлечь к себе предводителя Большой Орды. Он выпустил из тюрьмы Джан-Арслана б. Уруса, и по степи сразу пошли слухи о скорой смене бия. Впрочем, когда в Астрахань прибыли аманаты, мирзу снова заточили.

* * *

В мае распространилась весть, что против Заруцкого из Саратова двинулись воеводы, Иштерек разорвал с ним все отношения и вновь склонился к союзу с Москвой. Заруцкий бежал к Яику, был там настигнут и разгромлен. Захваченные им с собою аманаты разбежались по степи, но были переловлены стрельцами, возвращены в Астрахань и снова посажены на Закладном дворе.

1619

Иштереку удалось вызволить из заклада Урака Тинмаметева, заменив его в аманатах на собственного сына Ураз-Али. Сыновья и внуки Дин-Мухаммеда тяготились бием-неудачником и все более явственно переставали считаться с ним.

1622

Торопицын: «Получив военную поддержку из Астрахани и Терека, князь С. Я. Черкасский ходил на «государевых непослушников, а на своих недругов на Казыевых и на Шанукиных детей и на их кабаки». Во время похода астраханские и терские ратные люди «черкас многих побили и кабаки их и на пашнях хлеб всякой и сена пожгли». Часть черкесов во главе с князем Лягукой Шанукиным и «казыевы дети» укрылись от погрома в горах. Князь С. Я. Черкасский и присланные из Астрахани головы вступили с ними в переговоры, убеждая принести повинную русскому царю и выдать в город Терек аманатов, обещая им царскую милость. В итоге им удалось убедить противников князя Черкасского принять все их требования. После того как аманаты прибыли в Терский городок и состоялось примирение враждовавших на Северном Кавказе феодальных кланов, русские и тюркские астраханские служилые люди были отпущены в Астрахань».

1628

Причину ухода Малых Ногаев от Астрахани назвал казыевский мирза Али Ураков: *«И при Урусе князе так же мы (с астраханцами) в миру были*

и аманаты давали. И после того нагаицом нас велели повоевать. И ныне б так не учинити». Даже заключение шертных соглашений и выдача аманатов в Астрахань и Терки оказывались малодейственными для сохранения лояльности малоногайских мирз к России.

1633—1634

Тепкеев: «Однако столкновения с калмыками были не единственной причиной откочевки ногаев из-под Астрахани. Мирзы вспомнили все обиды, перенесенные ими от представителей царской власти: разные должностные лица, прибывавшие в улусы из Астрахани, отнимали у татар лошадей и скот, а многие мирзы находились на Аманатном дворе в качестве заложников и т. п. Ногайские мирзы объясняли свои действия тем, что подобная политика местных царских чиновников просто вынуждала их бежать к калмыкам. Появление калмыко в долгое время преподносилось в исторической литературе как единственная причина ухода ногаев с Волги. Однако В. В. Трепавлов отмечает, что подобная односторонняя информация о ногаях поступала от астраханских наместников, а те были заинтересованы в том, чтобы подчеркивать калмыцкую первопричину ногайской миграции в 1634 году, что впоследствии и утвердилось в исторической литературе. В конце 1633 и начале 1634 годов ногаи начали уходить из-под Астрахани. Одна их часть ушла к калмыкам, другая — на запад».

1634—1636

Казачи войска Донского совместно с калмыками вытеснили ногайцев со степей в междуречье Волги и Дона, разорив и истребив многих из них. Ногайские мурзы Ураковой половины дали аманатов Муцалу Черкасскому и переселились на р. Куму.

1639

Наказ, данный Федоту Елчину:

«Таков Государев наказ дан Федоту Елчину: Лета 7147-го маиа в 30 день. По Государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу память Федоту Елчину. Ехати ему в Дидиянскую землю к Дидиянскому Леонтью царю з Государевою грамотою да с ним же вместе отпущен Дидиянского Леонтья царя посол крестовой ево поп Гаврило с человеком, да с Федотом же отпущен поп Павел да для писма подячей Федка Баженов.

...А будет спросят: слышали они, что царское величество посылал своих Государевых ратных людей в Казыев улус и те ратные люди Казыев улус повоевали; и Федоту говорити: царское величество посылал на Казыев улус воевод своих с ратными людьми посмирить за их неправды, что они правду свою и шерть на-

рушили и аманат своих отступились и от царские милости отстали и украинам Государевым убытки учинили, и Государевы ратные люди их повоевали и то им разоренье учинилось от себя; а ныне царское величество держит их в своем царском милостивом Жалованье...»

1640

Многие представители ногайской знати согласились вернуться в российское подданство. При этом часть ногайских мурз во главе с Салтанашем Аксак-Кельмамметевым выговорила для себя условие, что они будут проживать «меж Астрахани и Терка» в бассейне реки Кумы на Северном Кавказе. Численность ногайцев во главе с мурзами Тинмамметевыми и Иштерековыми в данный период составляла около шести тысяч человек.

1643

Торопицын: «Воеводы послали группу юртовцев из Астрахани в Терскую крепость с поручением. В марте в Астрахань приехал один из этих курьеров — юртовский татарин Ишконак Аллабердеев из табуна Курманака Маркашева, который сообщил, что в двух днях пути от Астрахани на Крымской стороне в районе Белого озера их перехватили «нагайские татаровя», прикочевавшие недавно к Астрахани из-под Азова, и воеводскую «отписку...взяв, изодрали, а их розняли по себе». Спустя шесть дней ногайский Аксаин-мурза Ищереков, оставив у себя в улусах троих юртовцев, отпустил Ишконака в Астрахань, поручив ему передать послание воеводам с требованием выдать им удерживаемых в Астрахани аманатов, угрожая при несоблюдении этого условия вновь откочевать от Астрахани».

1644

31 июля в Терский город приехали в аманаты сын пщышхуэ Кабарды Алегуюко Темир-Салтан и аманат Ураковой половины Малого Ногая, сын Исупа Азаматова Арслан-мирза. Князя Темир-Салтана сопровождали перво-степенный дворян Каншоко «да кабацких и выборных лутчих узденей 16 человек». С ногайским Арсланом-мирзой был прислан аталык Куат и 20 человек «товарыщи».

Ногайским мурзам предписывалось прибыть в Терский город и шертовать. В ответ было дано обещание, что *«Малого Ногая улусы пойдут кочевать на прежние свои кочевья близ к Терскому городу по сю сторону Кубана реки, и перешедши на прежние свои кочевья аманатов своих в Терский город пришлют»*. Вконце июля — начале августа ногайские мурзы Ураковой половины дали аманатов Муцалу Черкасскому и переселились, наконец, на р. Куму.

1645

Осенью царю Алексею Михайловичу принесли шерть жители Терского города и близлежащих к ним слобод «и всяких мусульманские веры людей и которые в ома-натех», среди них были кабардинские князья и мирзы Малого Ногая. 5 ноября от них («ис Казыевы Кабарды» и из «Малого Ногаю») в Терский город вернулся с шертовальными книгами стрелецкий голова Борис Малыгин. Главной задачей терских воевод и князя над нерусским населением Терского города МуцалаСунчалеевича Черкасского был перенос политического центра Большой Кабарды на Баксан. С другой стороны он добивался перехода малоногайских мирз Салтана и Навруза Касаевых на кочевки под крепость Терки и возвращения из-под Азова под покровительство царя другой половины Малого Ногая-Али-мирзы/Алей-мирзы Хорошаева (Уракова) и выдачи им аманатов в Терки.

1648

Отписка терских воевод в Посольский приказ, от ранее июня 15:

«Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холопи твои Венедикто Оболенской, Одиноко Беклемишев, Алешка Иевлев челом бьют.

...а в роспросе де, государь, им те взятные языки Казыевские тотаровя сказались Навруз мурзина улусу князь Касаева сына Исламова аского родства Байгужайка Шабан Бабаев да Телгирбайко Тлевкабылов да Малгытцкого родства Кокбирюйка Койбаев да юзского родства Кожегелдейко Элимбетев да Кобен мурзина улусу Каспулатова арчайского родства Дюсембейко Салдыков да асного родства Калмаметко Борлаков да Айтемир Мурзина улусу Аблина сына князь Касаева внука Кипчатцкого родства доюлгулко Келжеев да Чалмурзина улусу Абдулова Каракипчатцкого родства Баубечко Аллабердеев да Аллагуват мурзина улусу Абдулова наймаского родства Аллабердейко Калмамметев да Шатемир мурзина улусу Абдулова найманского родства Шидячейко Ярышев да Аллагуват мурзина улусу Азаматова Богаданского родства Арсланко Эримбетев, а мурзы де их Казыевские с улусы своими кочуют ныне за терским городом под Кабардою на урочище Урак сате, от терского города в четырех днищах, и холопи де они твои, государевы, и аманаты де мурзы их дают от себя в Терской город, а ныне де сидят в омонатех от их казыевских мурз в Терском городе Арсланбек мурзин сын Яузан мурза. И нынешние де осени вышли Казыевские Навруз мурза князь Касаев с товарищи с улусными своими людьми, да ис Кабарды Темирбулат мурза Алегук мурзин сын Черкасского с кабардинскими черкасы всех с 3000 человек и учили стоять на заставе на реке Куме блиско Пяти гор на урочище Чапчаклы позади Терского города...»

1650

Для дальнейших переговоров с Чебаном-мурзой об условиях выдачи аманатов и кочевания у Терского городка в конце года был направлен из Астрахани И. Доможиров с переводчиком В. Зиновьевским, но они оказались в улусах мурз Иштерековых фактически на положении заложников.

1651

Сурхай затянул переговоры на несколько дней, сославшись на отсутствие у него переводчика. В итоге заявил через своего посланца, что Чебан-мурза Иштереков готов дать аманатов, если из Астрахани отпустят Тударыка-мурзу и жен и детей Би-мурзы Иштерекова и передадут их Чебану-мурзе. Тогда он даст в аманаты своего старшего сына, а также сыновей других мурз Аксаина и Шатемира. А если на ногайцев мурз Иштерековых придут «войною» войска из Астрахани или Терков, то тарковский шамхал *«за него Чебана мурзу битца с государевыми людьми станет»* и не выдаст его, так как он стал его кунаком... Кумыкский владелец утверждал, что даже оказал содействие русским властям и по просьбе терских служилых людей отправил со своим человеком Байрамалыем в Терский городок сына Чебана-мурзы в качества аманата. Но в пути («на половине дороги») они стали свидетелями сражения терской рати с ногайцами, *«и тот сын назад убогом прибежал»*.

* * *

21 апреля с Терека донесение, что ногайские мурзы Чебан и Шатемир Иштерековы *«вину свою тебе государю принесли и аманатов в Терский город»* дали, а сами прикочевали к Терскому городку.

* * *

18 июля переселенцы из улусов Чебана-мурзы, Аксаина-мурзы, Шатемира-мурзы и Тударыка-мурзы, в общей сложности 1862 человека, были приведены к Астрахани. Кроме того, водяным путем из Терской крепости были привезены мурзы Шатемир и Тударык; матери мурз Чебана и Тударыка; три жены Чебана-мурзы, три его дочери и два сына, а также мать, две жены и две дочери мурзы Аксаина; две жены, три сына и две дочери мурзы Шатемира. Ногайцев по приводе разместили на левобережной стороне Волги. Воеводы вызвали в съезжую избу мурз Аксаина и Шатемира и *«вины им их выговаривали»*. Им приказано было кочевать со своими улусами *«на нагайской степи от Астрахани в ближних местах»*. От них были взяты аманаты для содержания в Астрахани *«по прежнему по переменам»*.

1652

26 июня к братьям Алегуко и Хатакшуко прибыли стрелецкий сотник Алексей Остряков и переводчик Лука Тимофеев с поручением привести «в вечное послушание» русскому царю Алексею Михайловичу ногайских мурз Арсланбека Каспулатова, Науруза Касаева и Дивоя Камурзина. Алегуко «государевы дела» исполнил: Арсланбек и Дивой согласились следовать «государеву указу», а Науруз заявил, что с Астраханью дел не имеет и иметь не хочет, а *«сына и внука, и улусных родственных людей за себя в Астрахань тертовать не пошлет»*, оставаясь союзником князя Мусала, которому дает аманатов «исстари».

* * *

Из доезжей памяти стрелецкого сотника Острикова и толмача Луки Тимофеева о поездке к мурзам Казыевой Кабарды и Малой Ногайской орды с жалованьем и о переговорах с ними, от не ранее августа 5:

«Лета 7160-го июня в 21 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу и по наказу боярина и воевод князя Михаила Петровича Пронского да Ильи Кузьмича Безобразова, да дияков Микифора Вальцова да Василья Герасимова и за приписью дияка Микифора Вальцова сотник стрелецкой Олексей Остриков да толмач Лука Тимофеев посланы были из Астарахани степью по крымской стороне в Малой Нагай к Арасланбеку-мурзе Каспулатову да к Наврузу-мурзе княж Касаеву да к Девою-мурзе Канмурзину, да к кабардинским к Алягукке-мурзе Шаганукову да к Атагажукке-мурзе Казыеву з братьею и з детьми и с племянники в улусы. А с ними, с Олексеем и с Лукою, посланы были листы к нему, Арасланбеку-мурзе, з братьею и з детьми и с племянники лист, да к Навруз-мурзе княж Касаеву лист, да к кабардинским к Алягукке-мурзе Шаганукову да к Ходождукке-мурзе Казыеву лист татарским письмом за государевою печатью Царства Астараханского. А велено им, где они их съедут, спросить их о здоровье царьского величества от боярина и воевод от князя Михаила Петровича Пронского да от Ильи Кузьмича Безобразова, да от дияков от Микифора Вальцова да от Василья Герасимова и подати им листы, которые с ними по сланы, и им говорити и государевою милостью их обнадежить, о чем с ними приказано.

А с ними отпущены Арасланбек-мурзины послы Билей да Кабарты с товарищи 15 человек. Да с ними ж, Алексеем, послано государево жалованье платья: Малаго Нагаю мурзам Арасланбек-мурзе Каспулатову шуба соболья под камкою алоу с пуговицы серебряными да подьячему ево Крымхоже-абызу сукно...

...И Арасланбек-мурза с ним, Алексеем, и с толмачем ездил в Кабарду к Алягукке да к Ходождукке мурзам июня в 26 день. И приехали в Кабарду к Алягукке

да х Кодождуке мурзам, и их, Алегуку да Отогождуку, царьского величества от боярина и воевод от князя Михаила Петровича Пронского да от Ильи Кузьми-ча Безобразова, да от дияков от Микифора Вальцова да от Василья Гарасимова о здоровье спрашивали и лист подали. И они, Алегука да Ходождука, царьскому жалованью обрадовались и лист принели чесно.

...Да он же, Олексей, и толмач Лука кабардинским Алегуке и Отагожуке говорили, чтоб они мурз Арасланбека и Навруза и Давоя созвав, и к государственной милости их призвали, чтоб они были меж себя в совете и у великого государя в вечном послушанье.

И Алегука и Атагаждука мурзы Навруза и Арасланбека и Давоя к Ходождуке на двор призвали, и созвав их им говорили, чтоб они на государственную милость были надежны и были бы меж себя в совете и государевы бы дела все исполнили. И Арасланбек-мурза и Давой сказали. — Дай де бог государь здоров был, а они де холопы его государевы вечные, и на ево государственную милость надежны, и ему, государю, служат правдою, и ево государевым людем дурна делать не хотят, и государева указу они слушают. А Навруз-мурза сказал. — Я де с Астараханью не ссылался и ныне ссылатца не хочю, и в Астарахань аманат не дает и сына и внука и улусных родственных людей за себя в Астарахань шертовать не пошлет. И Арсланбек и Давой и кабардинской Алегука и Атагождука учили ему, Наврузу, говорить, чтоб он был у великого государя в послушанье и послал бы хотя в Астарахань послов своих о всем бы де договоритца. И он им во всем отказал, что де он с Астараханью ссылатца не хочет и послов не посылает, я де ссылаюсь с князь Муцалом и аманаты даю ему исстари.

Да июля в 3 день в Арасланбек-мурзиных улусех съехали кабардинского Алегуку Шеганукова и Атагажуку, и ево о здоровье по государеву указу спрося, лист ему отдали и он лист принял чесно. И по государеву указу и по наказу им, Алегуке и Агагажуке, говорили про грабленово стрельца Куземкин живот новокрещена с товарищи.

И Алегука и Отагождук, выслушев про грабежной живот стрельца Куземки новокрещена с товарищи, сказали, что де мы, Алегука и Тагаждук, Сурхиных людей посылали на дороге лежать для воровских людей, потому что де приезжают к ним под улусы и под Кабарду красть ясырь и лошади отгоняют терские и донские казаки и всякие воровские люди. И ево де люди для их воров по дорогам лежали, и езда, наехали де на него, Куземку с товарищи, и не узнав, били на них и животы их поймали. И как де приехал к ним Куземка стрелец с товарищи в Кабарду и сказал, что де Сурхины люди на него, Куземку, с товарищи били и животы де ево, Куземковы, с товарищи взяли, и он де, Алегука и Атагаждука, те их животы Куземкины велели сыскать и отдать ему, Куземке, с товарищи. И что у них было взято, то им все и отдано и ничего де у моих людей Куземкиных животов не осталось. А сверх тово он, Куземка, у ево людей в своих животах имал веру по бусурмански, что у них животов их Куземкиных с товарищи ничево не осталось. А будет де не верите, ино де и он, Агелугука, сам веру дает по

бусурманской вере, что у тех людей животов их нет, Куземкиных с товарищи. А он де, Алегука, таких речей Куземке не говаривал, что животы сыскать и сыскав прислать, только де ему и говорил. — Будет где сыщется, и он де придет, ино де тех животов нигде не сыскалось. А людем де своим ему наказанья дать нельзе, потому что де он посылал их для воровских людей, и они де не узнав, на него, Куземку, с товарищи били. А будет де государь изволит, велит ему, неповеря, платить тот поклепной живот, и я де платить стану, а сыскать де ему того живота негде.

Да с ним же, Олексеем, послан был к Алегуке и Атагажуке в Кабарду узденской сын Бишучка Леванов, и он, Олексей, и толмач Лука по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу ему, Алегуке и Атагажуке, узденского сына Бишучка Леванова отдали. И он, Алегука-мурза, и Атагажука государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси били челом на том, что узденского сына у воров сыскали и им по государеву указу вором наказанья учинили.

Да он же Олексей, и толмач Лука Алегуке-мурзе и Атагажуке говорили, что в Астарахани сыск и росправу учинили. И Алегука-мурза и Отагажука государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси его царьского величества боярину и воеводам о сыску и о росправе били челом, а говорили Алегука-мурза и Атагажука. — Дай де бог здрав был государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, а они де холопи ево государевы, хотя де живут далеко, только де сердцем и правдою. И на чем ему, государю, шертовали, в том и стоят, и впредь государю служить ради по тому ж навеки неотступно, и ево государевым людем добро делать везде, а дурна никакова великому государю и ево государевым людем делать не хотят.

...Да июля в 27 день сказывал мне, Олексее, и толмачю Луке Араслаббек-мурза. — По Алегуку де мурзу прислал князь Муцал, чтоб де он, Алегука, приехал к нему, князь Муцалу, на Терек. И он де, Алегука, к нему и поехал августа в 5 день. Да с Терка де он, Алегука, с князь Муцалом хотели послать в Астарахань людей своих бить челом государю о Карашаиме-мурзе, чтоб ево, Карашаима, из аманат выпустили, а боярин бы де и воеводы прислали к нему, Алегуке, на Терек дворянина и велели бы де ему, Алегуке, говорить, чтоб он, Алегука, был у великого государя в вечном послушанье и чтоб он, Алегука, Навруз-мурзу наговорил, чтоб он, Навруз-мурза, дал бы сына своего в Астарахань в аманаты, а Алегука де и Атагажука в нем, Наврузе, вольны и в них они Араслаб-беке и Давое вольны же, что он, Алегук, похочет делать, и Навруз и Давой и Араслаббек мурзы из ево слова не выступают...»

1658

Торопицын: «После безуспешной попытки добиться посредством толмача Д. Аксенова возвращения на места прежних кочевок к Астрахани ногайских

мурз Салтанаша Аксакельмаметева и Ямгурчя Янмаметева, отошедших со своими улусами в район реки Терек, астраханские воеводы направили к ним с тем же призывом юртовских татар, которые выяснили причины нежелания ногайских мурз возвращаться к Астрахани. Мурзы жаловались, что не получали государева жалованья, и потому не хотели выдавать воеводам в Астрахань аманатов. В добавление к этим сведениям юртовцы привезли с собой «лист», в котором ногайские мурзы сообщали о военных столкновениях с соплеменниками и народами Северного Кавказа («с темрюки и с казыевцами») и извещали о походе на Московское государство 12-тысячного войска крымских татар».

1671

Зимою, вовремя продолжения калмыцкой войны ушли от калмыцких улусов джетысанские мурзы: Сиюнч-Мурза Седулов с детьми и улусными с 15 т. кибиток к Астрахани, и в город Астрахань бунтовщикам дали аманатов, а сами ниже города за протокою Царевою сделали около себя вал за опасностью от прихода степных Татар большого и малого Нагая.

* * *

Бутков: «зимою, во время продолжения калмыцкой войны ушли от калмыцких улусов джетысанские мурзы: Сиюнч-Мурза Седулов с детьми и улусными с 15 т. кибиток к Астрахани, и в город Астрахань бунтовщикам дали аманатов, а сами ниже города за протокою Царевою сделали около себя вал за опасностью от прихода степных Татар большого и малого Нагая».

1672

Аюка-Хан калмыцкий собрав все свои калмыцкие войска и приблизясь к тамошним местам малый Нагай по прежнему принял в свое подданство с договором, чтоб с семьи платили в год по кумачу. А большой Нагай и Джетысан бывших тогда при вершинах р. Кубани держал в атаке с два месяца и забрал по прежнему на Волгу, и тогда малый Наган оставил кочевать на том же месте близ Кабарды, при р. Тереке, откуда они обще с Кабардинцами и аманатов своих давали в терскую крепость.

* * *

Бутков: «А большой Нагай и Джетысан бывших тогда при вершинах р. Кубани держал в атаке с два месяца и забрал по прежнему на Волгу, и тогда малый Нагай оставил кочевать на том же месте близ Кабарды, при р. Тереке, откуда они обще с Кабардинцами и аманатов своих давали в терскую крепость».

1705

Для обеспечения безопасности, на случай возможного неповиновения, в Астрахани содержались в аманатах представители ногайских родов. В 1705 году в заложниках находилось девять мурз — по двое от джетисанцев и джембуйлуков и пятеро от больших ногайцев.

1721

Бутков: «При Терках кочевало несколько Нагай, которые всегда давали в Терки от себя аманатов».

1736

Омбо по одержанной над Татарами победе, с войском своим далее, в Кубань пошел к тем горам, где другие такие Татарские улусы в тесных местах себя укрепили, и где Омбо чрез 37 дней их в осаде держал; потом, когда 20 мая к Омбо ожидаемые подданные ее императорского величества кабардинские князья с их войском, также и некоторое число Донских и Терских Казаков с донским старшиною Краснощокковым присовокупились, то кубанские Татары для убежания от последней погибели выслали своих знатных мурз с прошением, чтоб их в подданство ее императорского величества принять; почему они, состоящие в 4 главнейших в Кубани партиях и в 10 т. кибитках или фамилиях, в подданство приняты и салтан их с 200 человек мурз в том учиненную присягу верности подписали, дав из собственных своих сыновей определенное число аманатов, и что к особливому примечанию достойно, письменное притом себе обнадеживание просили, что когда впредь война с Портою прекратится и мир заключен будет, то бы их Туркам не давать, но их всегда в защищении держать, яко они ее императорскому величеству как верные подданные служить и в вечном подданстве российскому скипетру пребывать желают.

* * *

20 мая, когда к Дундук Омбо прибыл в соединение немалый корпус, некоторое число Донских и Терских Казаков с донским старшиною Иваном Краснощокковым, то Нагаи для убежания от погибели выслали своих знатных мурз с прошением, чтоб их принять в российское подданство. На сие дано согласие и таким образом сии четыре улуса составляющие 10 т. кибиток, содержащих более 15 т. военных людей, в подданство приняты, и салтан их с 200 мурзами пришед в дундуков лагерь учиненную в верности присягу подписали, дав из собственных своих сыновей определенное число аманатов.

* * *

По договору с кабардинскими князьями и терскими воеводами ногаи расселились в Кабарде: на Тереке, Малке и Куме. Их обязали платить подати скотом калмыцкому хану Дон-дук-Омбо. После шертования по приказу командующего войсками между Курюю и Тереком генерала-аншефа В. Я. Левашова от 16 июля и указа астраханской губернской канцелярии от 25 октября 1736 года у них были взяты аманаты: 1) «Наврузова аула мурзы [Лурсан] Аджи сын Кази Саинов», 2) «знатного мурзы Азамата Касаева сын Раслан-бек Азаматов», 3) «мурзы Тагана Мусина сын Казбулат Таганов».

* * *

Бутков: «...во время турецкой войны, малый Нагай, т. е. Солтан-Улу, Каснулат-Улу, из которых собралось больше 10 т. обязавшихся давать Доидук-Омбо с семьи по скотине, Дуидук-Омбою и донским войсковым атаматом Ефремовым приняты но прежнему в российское подданство и переведены кочевать между Терека и Кумы. Взяты от них в Кизляр аманаты. Того же малаго Нагая Навруз-Улу тогда разорены, а оставшиеся находятся с Солтанаульцамн».

1738

Князья Бамат Кургокин и Карамурза Алиев весной 1738 года пишут донскому атаману Даниле Ефремову о походе их на Кубань и завоевании ими владений «абазинских черкес». У сына же ногайского мурзы Наврузова ими были взяты два аманата и препровождены в Кизлярскую крепость.

* * *

По распоряжению кабинета министров от 1 марта 1738 года, хану Дондук-Омбо предписывалось, чтобы он для сохранения в российском подданстве оставшихся ногайцев, перевел их за Кизляр к устью р. Терека и расселил в Астраханской губернии на р. Волге. Однако, из-за того, что сын главного солтанаульского мурзы — Муса женился на дочери влиятельного кабардинского владельца Магомета Кургокина (Асам Магомет Кургокин являлся шурином Дондук-Омбо), калмыцкий хан не стал переправлять ногайцев, а остановил их при Терках под присмотром своих шуринов — Магомета Кургокина (Коргонина) с братьями. У других ногайских мурз — Мансура и Арсланбека — Дондук Омбо взял аманатами в город Кизляр двух их сыновей. Однако, в 1740 году эти мурзы — Мансур и Арсланбек все равно ушли на Кубань со своими улусными людьми (100 кибиток).

* * *

Весной 700 кибиток солтанаульцев и каспулатовцев ушли за Кубань. Этот факт очень сильно озадачил российское правительство. 1 марта хану Дондук-Омбо было предписано перевезти оставшихся ногаев за р. Волгу, или в Кизляр, к устью Терека, взяв предварительно у них в Астрахань 50 аманатов. Затем поступило секретное предписание: «раскасировать» их по калмыцким улусам». Под рукою Дундук-Омбе гвардии капитаном Андреяном Лопухиным говорено, чтоб тех Нагай разделить по улусам. На сие подался было Дундук-Омбо; но как в то время первого султанульского Мусы-Мурзы сын женился на дочери главного кабардинского владельца, а хана Дундук-Омбо шурина Магомеда Коргокина, и так, вместо переведения Нагай за Волгу или Кизляр, оставил их при Тереке и поручил над ними смотреть шурьям своим, кабардинским владельцам Магомеду Коргокину с братьями; а у бывших в подозрении мурз Мансура и Арасланбека взял в аманаты двух сынов и отдал в Кизляр, но те оба мурзы 1740 года оставя детей аманатов, сами со 100 кибиток ушли на Кубань. В трактате вечного мира с Портою оттоманскою 18 сентября 1739 года, в 8 артикуле постановлено, возвращать беглецов, ежели они не приняли веры той страны, куда ушли.

Хан оставил солтанаульцеви каспулатовцев «на попечении» пщы Бамата Кургоко, а у «бывших на подозрении мурз Мансура и Арсламбека» взял в аманаты двух сыновей и препроводил их в Кизляр. Однако «кормовая» ведомость (24. 04. 1743) свидетельствует, что тогда по указу астраханской губернской канцелярии от 13 июля 1738 года было взято четыре аманата: 1) «Нарадыева владения аула Наврюзова мурзы Нурадия [Уллу]-Мурзина сын Салатгирей Нурадиев», 2) «того ж аула Жеммамбетова владения мурзы Али мурзы [Неещчева] сын Токмамбет Алиев», 3) «того ж владения Бударова аула мурзы Жанмамбета Аджи Жантемирова сын [Сидак] Жанмамбетов», 4) «Нурадыева владения ж [Увантаюнова] аула мурзы Каспулата Карасаева сын Каплан Касбулатов». Очевидно, в аманаты было взято по два сына от названных мурз.

* * *

Калмыцкому хану предписывалось обеспечить выдачу от ногайцев аманатов в Астрахань с тем, чтобы склонить ногайцев к постоянному кочеванию.

7 мая с берегов Кубани Дондук-Омбо снова отправил в Санкт-Петербург письменное послание, в котором указывал о своем нахождении в верховьях Кубани. На урочище Уктан Аман он захватил улус в 2 тыс. кибиток вышеозначенного солтанульского мурзы Мусы Баева и перевел его на урочище Хара

Модун для соединения с его же родственниками Следующим объектом нападения Дондук-Омбо стали черкесы-абазинцы, которые жили в верховьях р. Джинчига. Эти черкесы, турецкие подданные, делились на шесть частей, и всего их насчитывалось около 1700 семей. Калмыки переселили абазинцев в местность Бургусу, лежащую недалеко от Кабарды. Туда же были переселены и ногайцы из племен навруз-улу. Дондук-Омбо приказал их мирзам дать ему в аманаты двух человек — сыновей Темира Ницаева и Нурадына-Батыра Мирзаева, которых затем отправил к кизлярскому полковнику.

* * *

20 мая в Царицын прибыл калмыцкий посланник Гунга, доставивший письмо Дондук-Омбо. Из его содержания становится известно, что 20 апреля в верховьях р. Орпа Дондук-Омбо перехватил два кочующих улуса кубанских ногайцев. Это были 1500 кибиток из племени навруз-улу и 500 кибиток хара-кыпчаков. Среди них находился Себелек-солтан, сын покойного Бахта-Гирея, и салтанульский мирза Муса Баев, который ранее принял российское подданство и дал аманатов. Калмыки захватили всего 7 тыс. человек и 10 тыс. голов скота. Разбежавшиеся после погрома ногайцы «в горах засели в осаду».

7 мая с берегов Кубани Дондук-Омбо снова отправил в Санкт-Петербург письменное послание, в котором указывал о своем нахождении в верховьях Кубани. На урочище Уктан Аман он захватил улус в 2 тыс. кибиток вышеозначенного салтанульского мирзы Мусы Баева и перевел его на урочище Хара Модун для соединения с его же родственниками.

* * *

Следующим объектом нападения Дондук-Омбо стали черкесы-абазинцы, которые жили в верховьях реки Джинчига. Эти черкесы, турецкие подданные, делились на шесть частей, и всего их насчитывалось около 1700 семей. Калмыки переселили абазинцев в местность Бургусу, лежащую недалеко от Кабарды. Туда же были переселены и ногайцы из племен навруз-улу. Дондук-Омбо приказал их мирзам дать ему в аманаты двух человек — сыновей Темира Ницаева и Нурадына-Батыра Мирзаева, которых затем отправил к кизлярскому полковнику.

18 мая Дондук-Омбо с верховьев р. Зегерлик, недалеко от Кубани, снова отправил письмо к императрице. В нем он сообщает о соединении со всеми кабардинцами и окончательном захвате малоногайского племени хара-кыпчак. Уйти в горы от преследователей удалось только Хаза-Гирею-солтану и Хазалбеку-солтану. Все захваченные ногайцы были переселены в урочи-

ще Хара-Модун, где уже ранее кочевали их соплеменники. Калмыцкий хан также взял в аманаты сыновей мирз Харасая и Джан-Мамбета, отправив их в Кизлярскую крепость.

Таким образом, в Кизляр он отправил в аманаты 4 сыновей следующих ногайских мирз: Темира Ницаева, Нурадын-Батура Мирзаева, Харасая и Джан-Мамбета. Там же на полном довольствии за счет казны содержались в аманатах и сыновья салтанульских мирз, взятых калмыками еще в 1736 году. В документах обнаружен реестр всех четырех аманатов: Толмамбет Алиев, 16 лет, аула навруз-улу, сын Темира Ницаева; Сали-Гирей Нурадиев, 14 лет, аула наврус-улу; Сидак Женмамбет Иджи, 17 лет, аула хара-кипчак, сын Джан-Мамбета; Каплан Каспулатов, 6 лет, аула хара-кипчак, внук Харасая.

1740

По смерти хана Дондук-Омбо, во время калмыцкого смятения, посланный к Солтанульцам подполковник Карл Цейдер склонял их к тому, что они 1742 года прислали в Петербург с прошениями нарочных. Солтанульцы освобождены от даваемой Калмыкам подати и уволены от обыкновенных пошлин за лошадей, скот и товары, приводимые в российские города на продажу. К ним определен для наблюдения оный Цейдер; а астраханскому губернатору Татищеву подтверждено, дабы чрез кабардинских владельцев Магомеда Коргокина и братьев его и другим удобовозможным образом стараться тот солтанульский народ поселить и утвердить в подданстве ее величества; а в противном случае, силою перевести за Кизляр к терскому устью, или на Волгу к Астрахани и взять довольное число аманатов, а по последней мере оный разобрать и по калмыцким улусам разделить, или разорить и разграбить чрез Донских и Терских Казаков и Калмык...25 сентября, по прибытии туда, к Цейдеру, 2 т. Казаков наряженных под претекстом похода в Кизляр для удержания Солтанульцов, сии пришли в страх, и как ни обнадеживаны были от Цейдера, но безуспешно, и Муса-Мурза и прочие мурзы, оставя в Кизляре своих аманатов.

Ногайцы-салтанульцы во главе с Муса Мирзой, сын которого Казбулат, находился в Кизляре в качестве аманата, неоднократно уходили за Кубань в количестве 100 кибиток против воли русских властей.

1741

По резолюции Сената, удержанных при Астрахани Солтанульцов велено перевести в казанскую губернию и поселить между тамошними Татарами, в разных местах; а молодых и малолетних определить в архангелогородский и рижский гарнизоны в солдаты и школы.

Между означенных содержавшихся в Кизляре солтанаульских аманатов был один знатного во всей Кубани Мусы-Мурзы внук Казбулат-Мурза Тоганов сын, который татарской грамоте читать и писать умел и по побеге деда его Мусы-Мурзы на Кубань взят в 1744 году в Петербург, научился говорить, читать и писать по русски, по его желанию крещен и наречен Дмитрий Васильев сын; в 1748 году, для вящшого обучения и познания статских наук, определен в кадетский корпус и производится ему, сверх тамошнего содержания, из Коллегии, по 3 рубля в месяц.

1742

В мае один из салтанаульских мурз Байтемир, поссорившись с братом, ушел из России к персидскому шаху. Данный факт убедил российские власти, что всех обстоятельств во взаимоотношениях с ногайцами предусмотреть невозможно. Поэтому в дополнение к команде Гневашова астраханский губернатор Василий Татищев потребовал 6 июня от донского войскового атамана, чтобы он «беззамедления» отправил в Кизляр две тысячи казаков. В частности, в письме отмечалось, что *«древние всероссийские подданные Малого Нагаю Муса-мурза с протчими мурзами и со многими нагайцы прошлого 1742 года сентября 29 дня, забыв... подданство и клятвою утвержденную верность и оставя в Кизлярской крепости во аманаты данных ушли из державы Ея императорского величества... на Кубань во область Блистательной Порты по подзыву кубанского Сатыпелен салтана и других...»* Татищев просил кубанского сераскира придерживаться условий Белградского мирного договора и содействовать в возвращении российских подданных.

Российским войскам была поставлена задача отрезать салтанаульцам все пути в сторону Кубани, чтобы «никто из них не мог прокрасться», и заставить их перейти к Кизляру или даже к Астрахани. Кизлярскому коменданту было поручено «для удержания салтанаульцев от уходу» взять аманатов у всех мурз, которые пользуются влиянием среди своего народа, и у которых еще не были взяты в аманаты ближайшие родственники. Был также запрещен вывоз хлеба на Кубань, дабы осложнить жизнь сбежавшим из России ногайцами. Российские представители должны были *«стараться беглецов с противными намерениями до оставшихся салтанаульцев не допускать»*.

* * *

29 сентября часть солтанаульских аулов во главе с Мусой-мурзой, не смотря на «увещевания Цейдлера» и на находившихся в Кизляре аманатов, ушли на Кубань, под покровительство князя Асланбека Кайтуко — лидера

Кашкатауской партии, объединявшей кабардинских князей, оппозиционно настроенных к российской политике на Кавказе. В Кабарде осталось 30 солтанаульских аулов.

* * *

Сень: «В российских источниках данный случай упоминается наряду с бегством на Кубань в 1742 году группы «Малого Ногаю», мурзы которой сумели перед откочевкой забрать из Кизлярской крепости своих детей, «во аманатах данных».

1742—1743

Дубровин: «По сему 1742 года Солтанаульцы по подговору кубанского сераскира бежали за Кубань при главном Мусе-Мурзе, который оставил в России и заложника своего, племянника родного, (в других, внука) Казбулата Таганова.

В то же время кубанский сераскир предпринимал движение к стороне Кабарды, чтоб перевести туда и последних Солтанаульцов. К удержанию их в 1742 и 1743 годах поставлены детаашаменты из 2 т. Донских Казаков, драгун и Калмыков в урочище Бештамаке, где ныне Екатериноград, на Можарах и в Бештау, чтоб захватить все удобные к Кубани проходы. А чтоб и больше у Солтанаульцов отнять охоту к побегу, прибраны к рукам все молодые мурзы и отобраны все лошади и скот, а аманаты их отосланы на судах в Астрахань. Сверх того кизлярский комендант бригадир князь Оболенский ходил на них с войском в 1743 году, и некоторые солтанаульские улусы взял и выслал для жительства в калмыцкие улусы, и велено тогда перевести Солтанаульцов к Волге для кочевья, дабы впредь бежать не могли; но сие не состоялось, и они оставлены при Тереке, и присоединены к кизлярским аульным Нагаям. Однако же из них малого Нагая мурза Байтемир поссорясь с братом своим прибыл к шаху еще в июне 1742 года».

1743

Астраханский губернатор Татищев пытался убедить Мусу-мирзу через его внука-аманата возвратиться в сферу российского влияния. Вскоре оставшиеся ногайские аулы посетили кизлярский комендант князь Оболенский, наместник Калмыцкого ханства Дондук-Даши и генерал-майор князь Эльмурза Бекович-Черкасский «для переводу солтанаульских ногайцев за реку Терек». *«Солтанаульцы отобраны от Кабарды, приведены к Кизляру и поселены за Тереком».* Весной они частью были переведены к Астрахани, частью разделены по калмыцким улусам. От них было взято 126 аманатов, в том числе содержавшиеся в Кизляре в аманатах 82 мирз. Рост числа аманатов в Астрахани привел к нехватке предоставленных им

помещений. Это «вынудило губернские власти отвести для их размещения территорию казенного Птичьего двора, где стали содержаться все заложники». Согласно ведомости от 26 июля, в Кизляре содержалось — 9 солтанаульских аманата. По данным ведомости от 20 октября, из Кизлярской крепости в Астрахань было отправлено 15 солтанаульских аманатов. Среди них был и будущий первый российский пристав Кабарды, внук Мусы-мирзы Мурза-бекова, 13 летний Казбулат, в крещении князь Дмитрий Васильевич Тоганов. В ведомости его имя помечено: «*оной своей Грамоте научен читать и писать*». В этой связи была поставлена резолюция: «В школу». В 1744 году он был отправлен из Астрахани в Санкт-Петербург, где стал служить толмачем в Коллегии иностранных дел. В 1745 году он принял крещение под именем князя Дмитрия Васильевича Тоганова. Дальнейшее его воспитание и обучение происходило в кадетском корпусе. Начал военную карьеру поручиком, служил на Кавказе.

* * *

Часть из солтанаульских аманатов была отправлена в солдаты, а сопровождавшие их «служители» — «в работу». Таким образом, можно утверждать, что основой указа Александра I от 13 июля 1820 года № 28354 о кабардинских аманатах была практика, имевшая место в 1740-х годах в отношении аманатов Малого Ногая.

Побеги малых ногайцев на Кубань не могли не отразиться на отношении властей к их аманатам. Летом находящихся в заложниках салтанаульцев перевели из Кизляра в Астрахань. После того как значительная часть малых ногайцев вышла из подданства России, астраханские власти приняли решение сократить расходы на содержание их аманатов. Тем, у которых родственники на Кубань не ушли, стали выдавать каждому по пять копеек на день, а их служителям по две копейки на день, а тем, родственники которых бежали на Кубань, «за измену их» стали выдавать только по три копейки в день. Но и эти меры воздействия не могли изменить отношения салтанаульцев к России.

1744

19 сентября астраханский губернатор Татищев доложил Коллегии иностранных дел, что салтанаульцы отправлены из Астрахани в Казань. При этом большая группа молодых ногайцев, в которую вошли и некоторые аманаты, была направлена на военную службу в Архангельск и Ригу, а малолетние были определены для обучения в школах при тамошних гарнизонах. Некоторым знатным ногайцам выпала более удачная судьба. Так,

салтанаульский Казбулат-мурза Тоганов (внук Мусы-мурзы) был отправлен в Санкт-Петербург. В следующем году он принял крещение под именем Дмитрия Васильева. Дальнейшее его воспитание и обучение происходило в кадетском корпусе.

* * *

Правительство России дало свое согласие на прием салтанаульцев при условии выдачи ими аманатов, но запретило калмыкам предпринимать активные действия по переводу ногайцев из-за Кубани. Пассивность России в данном вопросе способствовала тому, что крымские власти перевели салтанаульцев с Кубани в глубь Крымского ханства, что предопределило их дальнейшую судьбу, тесно связанную с Крымом.

1746

По словам подполковника Арсланбека Шейдякова, Довеи-Мурзы кубанского прапрадед Исмаил-Мурза назывался по российскому Урус-Атай, живал при Волге; по смерти Измайловой остался сын его Типехмат и кочевал при Волге же; а по взятию Астрахани, сей Тинехмат был там в аманатах многие годы; потом из аманатов освобожден и по смерти его остался сын его Яштерек с братом своим Урусом, и всю жизнь свою кочевали при Астрахани. По смерти Яштерека, остались дети Саин и Касай и, по некоторому замешательству, оставя в Астрахани своих аманатов, со всеми своими аулами пошли за Терек и жили между Терekom и Аграханью, на степи. Там Саин и Касай померли, оставя детей: Саин: Таганчин-Мурзу, Баязыта, Худайната, Сары, Кала; Касай: Темирбулат-Мурзу, Казбулата, Камбулата, Солтан-Мурата, Касыма.

От сих двух фамилий саиновой и касаевой отдан был в Астрахань в аманаты Адиль-Мурза Темирбулатов, который послан на вечное житье в Оренбург, а их аулы в 1722 году переведены от Терека к Астрахани и отданы калмыцкому владельцу Бату Чакдоржапову, и содержались при калмыцких улусах года с два в великом утеснении и оскорблении, от чего они пошли жить на прежних местах за Терек и были под ведением бывшей крепости Святого креста (в том числе и Довеи-Мурза); а года чрез два или три, когда на кабардинских владельцев приходил кубанский Бахты-Гирей-Салтан, он отогнал тех Нагай более половины на Кубань; а оставшиеся аулы ушли на Кубань своею охотою. Всего их было 10 т. котлов. В 1740 или 1741 году приезжал в Кизляр от Довеи-Мурзы и прочих мурз Джан-Мурза и тайно просил о принятии их со всеми аулами в подданство и на переход их к Тереку. На сие не дано решения,

ибо они уже турецкие подданные. Всех их до 4 т. котлов, а в них людей примерно до 8 т. человек.

1752

Бутков: «Кабардинские владельцы баксанской пари писали к астраханскому губернатору, что беглые кубанские салтаны Сеадет-Гирей и Казы-Гирей привели с собою с Кубани к Кабарде нагайских мурз Бурзабека Мусаева и Мансура Келмаметева с их аульными Татара, кои напредь сего были русские подданные и от них в русской стороне аманаты есть, и что ныне те Татара с оными салтанами на сей стороне р. Кубани, в вершинах ея, при урочище Эльмурзу, в крепких гористых местах. У мурзы Майсура был тогда там в остатке не более 100 котлов; прочие же его аульные части переведены в Крым, частию в российских пределах остались».

1763

Для верности сих Нагай содержалось тогда от них в Кизляре 15 аманатов, которым кормление доставлялось из их домов.

1770

Ногайцы просили Петра Панина переселить их в Приазовье, в Причерноморье и на Кубань. В ходе достигнутого с ними предварительного соглашения решено было отвести им для кочевок территорию между Доном и Бугом. Буджацкая и Едисанская Орды с разрешения российских властей, оставив Панину аманатов, были пропущены через Днестр. Они перешли на левую сторону р. Днепра, в крымские степи — территорию от урочища Камянки до Азова.

1773

Русско-турецкая война явились причиной тяжелых бедствий для ногайского народа, именно тогда главнокомандующему 2-й армии Панину пришла идея склонить все Ногайские Орды на российскую сторону. Буджацкая и Едисанская Орды перешли через Днестр, оставив аманатов российским владетелям. 28 июня в Ейске знатные ногайские бии и мурзы принесли присягу на Коране в верности России.

1774

Несколько ногайских посланцев были задержаны как аманаты — остальные были отпущены. Депутаты обоих этих улусов являлись к Панину еще дважды, оставляя у него аманатов — всего ногайцы прислали тогда более

Содержание

Ногайские кочевья.....	3
Чеченские тукхумы и тейпы.....	27
Калмыцкие улусы.....	230
Дагестанские ханства и общества.....	252
Карачаевское княжество.....	402
Балкарские общества.....	420
Карабулакское сообщество (орстцхойцы, балойцы).....	427
Осетинские общества.....	439
Список сокращений.....	479
Приложение.....	483